

Глава 4

Лю Лаода испытывал смешанные чувства: с одной стороны, ему было немного неловко, с другой — его распирали законная гордость. Он был твёрдо уверен, что на всём белом свете не сыскать ребёнка более преданного и заботливого, чем его Цзяо-гэ'эр. Впрочем, и Вэй Вэнькан был неплох. Старший Лю прекрасно понимал: с таким характером, как у покойной старухи Вэй, любой другой давно бы лишился рассудка, а этот мальчишка вырос на диво воспитанным и обходительным. Поистине, редкое терпение.

Впрочем, покойница отошла в мир иной, и не дело было поминать старые обиды прямо у её гроба.

— Послушай, — негромко проговорил Лю Лаода, — я уже договорился с людьми, завтра вынесут гроб. Это всё мои старые сослуживцы, мужики крепкие, надёжные. Проводят твою матушку в последний путь со всем почтением.

Вэй Вэнькан низко поклонился:

— Благодарю вас, дядюшка Лю.

При жизни его мать не желала знаться с деревенскими и сыну велела лишь над книгами корпеть, ни на что иное не отвлекаясь. Не помоги сейчас Старший Лю, найти носильщиков для похорон в горах было бы той ещё задачей.

— Пустое, к чему эти благодарности? Столько лет знакомы.

Начать стоит с того, что когда Лю Лаода только открывал свою мясную лавку и арендовал помещение в городе, он, глядя в договор, хлопал глазами, не в силах разобрать ни единого иероглифа. Как раз мимо проходил Вэй Вэнькан; он-то и разъяснил ему всё слово за словом. Позже юноша сам написал вывеску для лавки. Всяк, кто видел её, в один голос твердил: в этих штрихах чувствуется истинная сила духа.

С тех самых пор Старший Лю проникся к нему симпатией и начал по-соседски заносить то чисто вымытые свиные потроха, то свежую зелень. Так между ними и завязалось знакомство. Разумеется, общался он в основном с самим Вэньканом. Старуха Вэй на потроха и прочую «нечистую» снедь смотрела свысока — гордости ей было не занимать, она скорее согласна была видеть сына худым как щепка, чем принять подобное подношение.

— И ещё одно дело. Я знаю, как ты сейчас стеснён, — продолжил Лю Лаода, — но обычай есть обычай: помощников нужно накормить добрым обедом.

Вэй Вэнькан согласно кивнул:

— Вы правы. Вечером загляну к Цзян Дацзао, попрошу его завтра подсобить.

Цзян Дацзао был единственным в деревне поваром, которого звали готовить на поминки и свадьбы. Говорили, рука у него набита, но Лю Лаода считал, что стряпня мастера и в подмётки не годится тому, что готовит его гэ'эр, а берёт тот при этом недёшево.

— Зачем зря деньги тратить? Гостей-то всего один стол. У меня дома и мясо есть, и овощи найдутся. Пусть Цзяо-гэ'эр придёт и всё устроит.

Лю Лаода знал своего ребёнка как облупленного: тот мог сколько угодно твердить о «смертельной вражде» с Вэньканом, но сердце у него было мягкое. В таком деле он точно не откажет.

Вэй Вэнькан замялся:

— Как можно... Это будет слишком обременительно для Цзяо-гэ'эр.

Старший Лю напустил на себя суровость:

— Ты что же это, вздумал от меня отгораживаться?

— Ну что вы, дядюшка! Я ведь знаю, что вы относитесь ко мне лучше, чем кто-либо другой.

Порой юноше казалось, что Старший Лю печётся о нём больше, чем о родных племянниках.

Лю Лаода ободряюще похлопал его по плечу:

— Вот и славно. Нечего со мной церемониться. Если и впрямь ценишь мою доброту, то приглядывай за Тяньцзяо, когда меня не станет. У него ведь ни братьев, ни сестёр, опереться не на кого. Тревожно мне за него.

С братьями из старого дома Лю он давно порвал все связи. Случись с ним что — те скорее первыми придут обирать сироту, чем руку помощи протянут. Лю Лаода помогал Вэнькану не только из жалости к доброму парню, но и с дальним прицелом: копить признательность впрок для своего гэ'эр. Каким бы умелым ни был Цзяо-гэ'эр, в одиночку со всем не сладишь. Разве плохо, если рядом будет грамотный названный брат, готовый поддержать словом и делом?

Вэй Вэнькан, видя, что возражения не принимаются, глубоко поклонился Старшему Лю:

— Будьте покойны, дядюшка Лю. Я буду оберегать Цзяо-гэ'эр как родного брата.

Лю Лаода остался вполне доволен таким отношением:

— В тебе-то я не сомневаюсь.

Обговорив ещё пару мелочей на завтрашний день, Лю Лаода отправился восвояси.

Лю Тяньцзяо к тому времени уже перемыл всю посуду и прибрал кухню. Он настелил на землю во дворике соломы, сверху бросил бамбуковую циновку и теперь валялся, закинув ногу на ногу и лениво помахивая веером из пальмовых листьев. Благо ворота в их двор были высокими — иначе односельчане, завидев такое неподобающее поведение, перемыли бы ему косточки не на один десяток рядов.

Впрочем, Лю Лаода давно оставил попытки воспитывать гэ'эр как нежную домашнюю птицу. Он рассуждал просто: раз уж Тяньцзяо силён и статен, отчего бы ему не жить как мужчине? Не будь сейчас законы империи столь суровы к гэ'эр из-за событий прошлой династии, Лю Лаода, не имея ни власти, ни связей, всерьёз бы задумался о том, чтобы женить его на какой-нибудь работающей девице.

А потому на вольное поведение сына он смотрел сквозь пальцы.

— Завтра похороны старухи Вэй, — проговорил он, присаживаясь рядом. — Готовить у них некому, а людей кормить надо. Сходишь, поможешь?

Тяньцзяо даже не шелохнулся:

— Не пойду. Вэй Вэнькан меня не звал, а я навязываться не привык.

Отец усмехнулся:

— Что за глупости? Парень он воспитанный, знает, что гэ'эр и мужчине не след лишний раз видаться. Стал бы он сам к тебе порог обивать?

Лю Тяньцзяо продолжал упрямяться:

— Не выгораживай его, отец. У него нос вечно до небес задран. Пойду я, не пойду — он и спасибо не скажет.

— Ещё как скажет! У этого мальчишки сердце горячее, хоть с виду он и холоден. Да и ты у меня не из камня вытесан. Остался парень совсем один, ни отца, ни матери — неужто не явишь милость, не пособишь в беде?

Лю Тяньцзяо, сам рано лишившийся своего сяде и хлебнувший в детстве немало лиха, невольно задумался. Вэнькану-то и впрямь пришлось тяжелее: у него теперь вообще ни одной родной души на свете. Жалко его, если по совести-то.

Вражда вмиг показалась какой-то мелкой и глупой.

— Ладно уж, — нехотя отозвался он. — Только ради тебя, отец. Что готовить-то будем?

Лю Лаода вздохнул:

— Да что там готовить, когда в доме шаром покати? У нас ведь мясо осталось? Возьми его, яиц набери, овощей в огороде нарви. Да в пруду деревенском купим карпа покрупнее. Сладишь десяток блюд — и того за глаза хватит.

Вспомнив, как не ладят эти двое, Старший Лю добавил:

— Только не скупись. Для мальчишки Вэя это первое самостоятельное дело, нужно, чтобы люди о нём доброе слово замолвили.

Тяньцзяо вскинул густые брови:

— Отец, ты что же, решил стать простаком, которого все обдирают? Благотворительностью заняться надумал?

«В доме шаром покати, а стол подавай богатый, — Тяньцзяо нахмурился. — И как это, спрашивается, понимать?»

Видя недовольство гэ'эр, Лю Лаода заискивающе улыбнулся:

— Вэнькану важно лицо сохранить, иначе что в деревне скажут?

Тяньцзяо лишь вздохнул. Против отцовской воли не попрёшь. Ладно уж, хочет быть добрым дядюшкой — пусть будет. Кроме старых сослуживцев, у отца в деревне и поговорить-то почти не с кем.

На следующее утро Лю Тяньцзяо поднялся ни свет ни заря. Первым делом он вытянул из колодца ведро с подвешенной в нём свиной, а затем отправился в огород.

Когда его отцу выделяли долю при разделе имущества, ему досталось всего два му заливных полей и один му суходола. В добрый год с заливного поля можно собрать пару сотен цзиней зерна. После выплаты налогов того, что оставалось, едва хватало двоим на пропитание, и то

приходилось подмешивать в кашу бобы. На соль, нитки и прочие мелочи копили, продавая излишки с суходола — о том, чтобы сажать там овощи, и речи не шло.

Тот огород, что радовал глаз сейчас, они с отцами отвоёвывали у пустоши буквально по локтю. Сначала выкорчёвывали сорняки, потом выбирали камни, по несколько раз перекапывая тяжёлую землю. А после его съезде выхаживал каждую грядку, точно дитя малое, пока земля не напиталась силой.

Отец часто говаривал: не надрывайся так его супруг на хозяйстве, может, и не ушёл бы так рано.

Потому и Тяньцзяо ухаживал за огородом с особым тщанием. Он не жалел ни воды, ни удобрений, и даже в самый сильный зной зелень здесь стояла густой и сочной.

На невысоких кустиках перца теснились ярко-красные плоды; они дерзко топорщились к небу, всем своим видом предупреждая о недюжинной остроте. Помидоры сидели не так густо, зато каждый был величиной с добрый кулак — сорвёшь такой, добавишь пару яиц, и вот тебе лучшая закуска к обеду.

Остальное пространство занимал ковёр из изумрудной зелени: молодая капуста с капельками росы на листьях, побеги батата, нежная редька, салат и листья восуня. С опор свисали пупырчатые огурцы, длинные стручки фасоли и люффа. Тут же в изобилии росли лук, имбирь и чеснок — на любой вкус.

Лю Тяньцзяо набрал полную корзину. Для одного стола этого должно было хватить с лихвой. Уходя, он на мгновение замер, помялся в нерешительности, в сердцах обругал себя на чём свет стоит, но всё же вернулся и сорвал ещё несколько огурцов, немного капусты и охапку молодой зелени редьки.

Когда-то семья Вэй не знала нужды. Но отец Вэнькана, одержимый мечтой о чиновничьей службе, так и не продвинулся дальше туншэна. При этом он мнил себя великим мужем: целыми днями пропадал на собраниях грамотеев или предавался дома стихосложению, совершенно не заботясь о том, на что они будут жить.

Старуха Вэй тоже была не слишком дальновидной. Дочь торговца, она презирала «запах меди», считая его низким, и втайне надеялась, что муж или сын станут цзюйжэнями и заберут её из этой глухомани. Пока деньги были, она и не думала покупать землю, предпочитая проедать наследство.

Доходов не было никаких, даже пучок зелени приходилось покупать на рынке. При этом на бумагу, тушь и книги денег не жалели, выбирая всё самое дорогое. К моменту смерти главы семьи в сундуках осталось всего тридцать лянов.

После похорон и долгих лет ожидания, а следом — трат на лекарства для старухи Вэй...

Тяньцзяо понимал из слов отца: сейчас семья Вэй на грани нищеты.

Ради отца Лю Тяньцзяо всё же позволил себе каплю сострадания. В конце концов, пусть у Вэй Вэнькана на столе будет хоть какая-то еда.

<http://bllate.org/book/15343/1372740>